

**МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «ДОМ ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА»
КАЛИНИНСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА
ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ**

**СЦЕНАРИЙ УРОКА МУЖЕСТВА,
ПОСВЯЩЕННЫЙ ДНЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ГОРОДА КАЛИНИНА.**

Подготовила педагог дополнительного
образования, руководитель кружкового
объединения «Оркестровый класс»
Шкваркина Татьяна Валентиновна

Пусть не сразу об этом в стихах запоют.
Не сегодня, не завтра, когда — то
Кто — нибудь из солдат, уцелевших в бою,
Сложит песню о мертвых солдатах.
Сложит песню о тех, кто остался лежать,
Не опознан никем, не оплакан,
Кто свалился за шаг до того рубежа,
За которым кончалась атака.
Из горящих траншей, под огнем и свинцом,
Адресов, не оставив в конверте,
Гимнастерки рванув, плюнув смерти в лицо,
Прорывались ребята в бессмертье.
В скольких окнах в те дни не гасили огни,
В скольких избах сидели у окон:
- Может, живы они?
Не придут ли они?
Не вернуться ль они издалека?..

Нет! Пурга замела в чистом поле следы,
Воле мертвых снега не подвластны...
Нам не встретить их больше - живых, молодых,
Одноклассников и одноклассниц.
Гильзы звонкие вмерзли в дорожный песок.
Пулеметные ленты да каски...
Несмолкающим хором живых голосов
Выйдут к людям легенды и сказки.
Выйдут песни о тех, кто остался лежать,
Не опознан никем, не оплакан,
Кто свалился за шаг до того рубежа,
За которым кончалась атака.

1.Слова М. Матусовского, Музыка В. Баснера: «На безымянной высоте».

...Андрю — ю — ша!!! Где ты?!
Криком, криком
Война дороги обожгла...
И только ягода — брусника
Еще по — мирному жила.

Голубоглазый и чубастый,
Влюбленный в небо и войну,
Он вписан был в отцовский паспорт,
Когда собрался на войну...
Ему на лоб сбегали кудри,
Свиваясь в мягкое кольцо,
Я звал его Андрюша Мудрый
За очень умное лицо.

Как отменить одно лишь утро?
Как отменить одну судьбу?
Где ты лежишь, Андрюша Мудрый...
С брусничной капелькой на лбу?..

Я помню те усталые вагоны,
Военный быт - до мелких мелочей...
На мальчишке несмятые погоны
И гулы самых искренних речей.

И губы – ученические губы...
Так чист был их нетронутый овал.
Ни в роще, ни в подъезде, ни у клуба
Девчонок он еще не целовал.

И время ни одной чертой упрямой
Не тронуло еще его лица.
И знал он в жизни только губы мамы,
Да реже – губы жесткие отца.

Звучала клятва...
Ветром доносило
Окопный запах – им весь мир пропах...
И первая накапливалась сила
В мальчишеских доверчивых губах
Их обожгло не поцелуем горьким,
Не сладким поцелуем в час луны,
А огоньком моршанским от махорки,
Полученной с ладони старшины.

Когда упал он, встретив пулю злую.
Лицом к земле, губами шевеля –
Нежней и бескорыстней поцелуя,
Наверное, не ведала Земля.

На защиту родного города, как и всей страны, встали все: от малого до старого. В то время, как одни воевали на фронтах, другие работали в тылу. Женщины, старики и дети стояли на заводах у станков, делая снаряды для фронта, обмундирование, производя продукты питания. От тыла в то время зависело почти все. И почти все отправляли на фронт. Люди не доедали, не досыпали.

В лесах организовывались партизанские отряды, где наряду со взрослыми воевали дети. Они также ходили в разведку, в бой... Также погибали. Но старались быть полезными для своей страны.

2. «Песня о Калининe» (Был трудный решительный бой...)

Вся ночь пролетела, как страшный бред –
Расстрел назначили рано.
А было ему шестнадцать лет
Разведчику – партизану....
В сених умирал заколотый дед,
Сестренке ломали руки...

А он все твердил упрямое: нет,
И стоном не выдал муки.
Вдоль сонной деревни его вели
В пустое мертвое поле.
Морозные комья стылой земли
Босые ступни кололи.
Мать вскрикнула тонко – бела, как мел...
И в поле вдруг стало тесно.
А он подобрался весь и запел
Свою комсомольскую песню.
На залп он качнулся лицом вперед
И рухнул в холодный пепел.
Ты понимаешь: такой народ
Нельзя заковать в пепел.

3. Слова и музыка А. Гурова: «Там на горочке высокой»

Едва хватило силы
Принять дрожащею рукой конверт.
И вдруг: «Дедуся, милый... Ах!»
И к его щеке щекой...
И закружилась с ним в обнимку:
«Он жив! Он жив!»
«Ну, дай то, Бог!»
Старик растроганно слезинку смахнул
И вышел за порог,
Дивясь, что сумка легче стала.
Она ж, присев возле стола,
Сперва конверт к губам прижала
И лишь потом надорвала.
«Любимая...» И лист неровный
Вдруг задрожал в ее руках.
И в голубых ее огромных
Предчувствием разлился страх.
И стал белей бумаги палец,
Следивший робко за строкой...
«Любимая, мы отступаем.
Уже все наши за рекой.
Здесь – только мы...
А мост не взорван.
А мост ухе в руках врага.
И наш комбат сказал: «Позор нам...»
И: «Добровольцы, два шага вперед!»
И, сколько нас осталось –
Мы разом все к нему...
«Что ж – браво», - бросил он устало
И пятерых по одному из строя вызвал...
Третьим с краю встал я. И он, суров и прям, сказал:
«На смерть вас посылаю... Пишите письма матерям...»
Потом добавил: «...и невестам...
В распоряжении вашем час»

И вот, посуше выбрав место,
Я и пишу в последний раз.
Пишу тебе, прости, что почерк так неразборчив –
Ты должна понять: мне часа мало очень,
Что б все сказать. Мне жизнь нужна.
И я спешу, спешу и сразу ж хочу о главном:
Минет срок, и ты, конечно, выйдешь замуж.
(Я понимаю: я жесток.)
Но ты ведь... Кто тебя осудит?
Ты выйдешь, верность мне храня.
И у тебя сынишка будет,
Пусть не похожий на меня.
Пусть. Но хочу я, чтоб мальчонка был у тебя,
На все горазд...
И, чтоб соломенная челка на лбу
И крапинки у глаз.
Чтоб узнавала средь мальчишек
Ты даже издали его.
И, чтоб однажды он услышал рассказ твой грустный про того,
Кто так хотел – прости мне это признание –
Стать его отцом.
Да не судьба вот – сгинул где – то...
Неважно где – он был бойцом.
И ты, однажды ты поведай ему,
Оставив все дела,
Что он не дожил до победы,
Но умер, чтоб она была.
Чтоб снова добрым людям в лица
Ударил свет, рассеяв мглу.
Чтоб он курносый мог родиться,
И, чтоб легко жилось ему.
Чтоб гасли молнии, как спички, ударив в радугу – дугу...
Чтоб чья – то девочка с косичкой ждала его на берегу...
Любимая... Прощай... И снова
Кричу из дыма и огня:
Любимая... Но это слово
Услышишь ты, но без меня».

Два... Три... Четыре года длинных вдовела
Каменей ствола, промерзшего до сердцевины...
Чего – то все еще ждала.
Ждала в полях, ждала в деревне,
Ждала, тиха среди подруг...
Ждала, на все разуверенья одно ответствуя: А вдруг?!
А вдруг он жив? А вдруг от пули он увернулся – дива нет!
И ночь его от пули скрыла, и лес его припрятал след.
А вдруг он вышел к партизанам?!
А по ночам, под шорох вьюг
С полузакрытыми глазами лежала, думая:
А вдруг о нем вот это – Слава павшим...
Так значит – мысли нет больней –
Так значит – я сегодня старше его почти на тыщу дней.

На тыщу дней...И лились слезы...
И, словно странница (темно!)
Стучала веткою береза в заиндевшее окно.

4. Слова Р. Рождественского, музыка Е. Птичкина: «Эхо любви».

Обелиск Победы... Это сейчас на слиянии двух рек все мы привыкли видеть огромный мемориал: монумент, устремленный ввысь, на самом верху которого три раза в году зажигается факел, и внизу под землей жерло с вырывающимся из него вечным огнем. Раньше Могила неизвестного солдата в форме пятиконечной звезды располагалась у здания Путевого Дворца - напротив входа в музей - и в центре ее горел огонь.

Невеста...Пышные волосы спадают из – под фаты.
Она несет гладиолусы – торжественные цветы.
Она их кладет осторожно на серый, как дым гранит.
А в чаше его тревожно высокое пламя горит.
Мне памятно это место. В один из военных дней
Девчонка в косынке сестринской металась в бою, в огне.
Она, обжигаясь о камни, шатаясь от духоты,
Измученными руками накладывала бинты.
Горячее сердце города, горячие раны города рдели среди камней.
И не было здесь обелиска – он вырос куда поздней.
Когда пролегли магистрали, чистые, как бинты...
Мы здесь на часах стояли, а ты принесла цветы.
Не наша ли юность тревожная с тобой сейчас говорит?!
Невеста кладет осторожно цветы на серый гранит.

5. Слова Е. Аграновича, музыка Р. Хозака: «Офицеры».

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

- В. Туркин «Ленинградский венок».
А. Сурков «Однажды ночью».
С. Викулов «Одна навек».